

СУЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ВТОРОГО ПЛАНА ИСТОРИИ АРИСТОТЕЛЕВСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье представлено исследование первого этапа становления Аристотелевского общества. В отличие от работ, посвященных развитию и изучению значения Общества в общем историко-философском контексте, в данной статье акцент делается на оставшейся без пристального внимания группе ученых и любителей, которая сформировала его 'сетевую' основу. Качественный рост состава Общества, нивелирование некоторых негативных сторон проявления эффекта Матфея, сильные локальные традиции — все эти факторы сыграли не последнюю роль в истории развития Общества.

Ключевые слова: Аристотелевское общество, философские и научные сообщества, теория интеллектуальных сетей Р. Коллинза, социология научных сообществ Р. Мертона, эффект Матфея.

Введение. В 2020 году исполнилось 140 лет одному из самых удивительных научных сообществ — Аристотелевскому обществу (АО), — которое осталось почти без внимания со стороны отечественных исследователей [1, с. 4–5]. Но даже в таких масштабных исследованиях, например, как *Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения* Рэндалла Колинза (1998 г.) [2], истории, развитию и значению Общества не уделяется достаточного внимания [подробнее см.: 3, с. 93]. Между тем оно является отличным примером для теории интеллектуальных сетей. Задаваясь вопросом «Что же послужило превращению любительского клуба во влиятельную профессиональную организацию?», при более внимательном исследовании ранних этапов становления и развития Аристотелевского общества можно обнаружить характеристики, которые, будучи для него основополагающими, способствовали его укреплению на мировой арене.

Подобно тому, как совершенствование и развитие декоративных орнаментов проистекает из культурных заимствований благодаря линиям соприкосновения и торговли, которые устанавливал Шелковый путь, так развитие и совершенствование интеллектуальных идей происходит за счет того, что Роберт Мертон называет 'узлами', а Рэндалл Коллинз 'сетями'. Именно они становятся ключевыми факторами успешности отдельных интеллектуальных сообществ, благодаря тем акцентам, которые они делают на внимании, уделяемом тому или иному философу, устойчивости во времени его идей, и в целом — оценке влиятельности его общего творческого наследия. Для Коллинза идеи «являются общением (коммуникацией), что означает взаимодействие между людьми, обладающими телесностью» [2, с. 45]. Значительное влияние таких взаимодействий проще заметить в творческих коллективах. Взаимодействие внутри интеллекту-

альных сетей приобретает особое значение и как способ порождения новых идей, и как единственный способ передачи невербальной составляющей интеллектуального сообщества, собственной неформальной культуры, трансляция которой стоит не на последнем месте.

Аристотелевское общество как локальная интеллектуальная сеть. Недавнее юбилейное коллективное исследование группы отечественных философов под руководством Антона Дидикина [4] было посвящено очерчиванию того, как перетекали и сохраняли свою влиятельность те или иные философские идеи внутри Общества благодаря творческой деятельности его отдельных Президентов (Шедворта Ходжсона, Джорджа Стаута, Альфреда Уайтхеда, Джорджа Мура, Альфреда Айера, Джона Остина, Гилберта Райла, Герберта Харта, Ричарда Хэара, Элизабет Энском). Вместе с работами Романа Юрьева [3, 5] и масштабным коллективным исследованием под редакцией Омара Насима [6], они предлагают достаточно детальную характеристику вертикальных и конфликтных связей Общества в лице его знаменитых членов внутри общего пространства коммуникации философов.

Известный австралийский историк философии Джон Пассмор свидетельствует, что второй президент «Стаут преподавал философию Муру и Расселу» [7, с. 154; см. также: 5, с. 97; 8, с. 50]. Согласно теории интеллектуальных сетей Коллинза, данное обстоятельство следует рассматривать как пример связи учитель-ученик, даже несмотря на то, что характер общения Мура, Рассела и Стаута был скорее конфликтным. Юрьев приводит замечание Назима о том, что решаемые Расселом вопросы были заложены в дискуссиях между Стаутом, Уилсоном, Александером и другими британскими философами [9, р. 24]. Это свидетельствует о горизонтальных связях (продолженной дискуссии и взаимовлиянии), пронизывающих Общество. Коллинз обозна-

чает конфликт и преемственную связь от Бозанкета к Брэдли [2, с. 869]. Чрезвычайно важной точкой соприкосновения Общества с внешними 'узлами' интеллектуальных сетей стала совместная работа с журналом *Mind* благодаря существенной роли Стаута (как представителя и связующего звена между отдельными 'узлами' общей интеллектуальной сети британских философов). Первое время «основные дискуссии Стаута проводились с Ходжсоном» [10, с. 53]. Это были два видных лидера, неудивительно, что один сменил (с небольшим промежутком) другого. Как можно заметить, переплетение, циркуляция идей и взаимное влияние были более чем существенны. Первый президентский доклад Ходжсона 1880 года свидетельствует [подробнее см.: 8, с. 37–46], что молодое Аристотелевское общество широтой охватываемых его участниками тематик пыталось охватить вертикальными связями огромный по своим объемам фрагмент истории философии, объявив о своем полном включении в общую интеллектуальную сеть британских философов.

Нет более очевидного факта, чем собственные выводы участников Общества, представленные в отчете о первом симпозиуме: «Статьи не только представляли большой интерес ... приводили к четкому противопоставлению противоположных точек зрения и инициировали дискуссии самого поучительного характера. Поэтому Комитет придерживается мнения, что симпозиумы следует во что бы то ни стало продолжить и выделить на них три вечера на последующей сессии» [11, р. 87]. Признанные привлекательными и успешными, они позволяли сталкивать идеи в публично дискутируемом конфликте, порождать новые идеи в ходе коммуникации участников этих дискуссий. Симпозиумы стали локальным узлом и важным регулярным интеллектуальным ритуалом.

Внутренняя структура и традиции Аристотелевского общества. Перечисляя условия, способствующие развитию научных сообществ, Мертон делает важное замечание: «... самое, наверное, главное — [многие отрезаны] от творческого микроклимата, возникающего в научных коллективах, члены которого сами являются катализаторами совершенствования, вызывая у окружающих стремление проявить все лучшее, на что они способны. Не последнюю роль играет и такой особый ресурс, как местонахождение в одном из стратегических узлов в сети научных коммуникаций, что обеспечивает легкий доступ к информации с переднего края науки» [12, с. 265; курсив мой. — Прим. В. Е.].

Сложившийся в Обществе творческий микроклимат действительно во многом определил традиции взаимодействий и способы коммуникации, которые возвращают таланты и передаются внутри любого успешного интеллектуального сообщества как часть его культуры. Примером этого могут служить разнообразные образцы локальных академических культур, наполняющих университеты. Отечественные исследователи Екатерина Шульман и Анастасия Кутузова отмечают, что университет — это комплексное явление, в котором студент усваивает культуру университетского сообщества. Они приводят слова Джорджо Агамбена: «Динамика, которая возникает в общении внутри [университетского] братства, между такими группами, между ними и профессорско-преподавательским составом, между ними и горожанами, и есть та университетская среда, которая преобразовала Европу и стала одним из замковых камней европейской цивилиза-

ции» [13, с. 294–295]. Культура университетского сообщества содержится в каждой ее составляющей, от кафедры до факультета.

Важно, однако, заметить, что для успешной трансляции интеллектуальным сообществом своей культуры необходимы ситуации, в которых передается ее невербальная составляющая. Поэтому наравне с симпозиумами, как формальными площадками для пересечения и конфликта идей, необходимо и наличие самой возможности неформального общения, которое имело место в Аристотелевском обществе¹.

Когда Герберт Карр вспоминает: «У нас никогда не было привилегий для наших членов ... В наше Общество входили и входят люди самых разных религиозных, социальных и политических взглядов, а также сторонники самых разнообразных философских позиций...» [14, р. 359], — он не столько констатирует факты, сколько транслирует традиции общества. И в данной фразе можно обнаружить сразу две такие традиции. Первая — это разнообразие и позиций, и участников-любителей. Очевидно, что это обстоятельство обеспечивает конфликт (крайне позитивное интеллектуальное явление, по мнению Коллинза). Как будет показано далее, разнообразие участников-любителей важно также и для создания междисциплинарного дискурса, и для нивелирования ряда наиболее пагубных проявлений эффекта Матфея. Вторая традиция связана с формальным академическим статусом многих участников Общества, и это тоже способствовало смягчению действия эффекта Матфея.

Известный отечественный социолог Михаил Соколов, рассматривая эффект Матфея, указывает, что часто цитируемые работы предстают как фокальные точки, а обращение к ним объясняется нежеланием «быть пойманным на невежестве» [15, с. 19–22]. Прямым следствием этого явления становится «единство пространства внимания» [15, с. 29], так как «необходимость ориентироваться на коллег не позволяет делать шаги в другие стороны» [15, с. 31]. Если рассмотреть состав Аристотелевского общества, можно заметить, что в первые годы его существования большая часть членов не имела философского образования. Более того, чтобы быть членом общества, нужен был только интерес к философии, и каждый должен был понимать, что требовать от любителей обязательное знание чего-либо не является разумной тактикой. Можно смело предполагать, что благодаря данному обстоятельству сообществу любителей-непрофессионалов удалось избежать наиболее пагубных проявлений эффекта Матфея: (а) обращения к фокальным точкам не из интереса, а под давлением большинства, и (б) формирования единого централизованного дискурса. Обращаясь к планам вопросов, составляемым к грядущим сессиям Общества, можно увидеть, что в разных формулировках всегда подчеркивалось, что «этот план не означает, что другие темы участников будут ограничены» [16, р. 134]. К сказанному можно добавить, что (в) поле внимания участников Аристотелевского общества при подготовке докладов и планов сессий не было ограничено ни коллегами, ни другими цензорами.

По мнению Мертона, обычно внимание внутри сообщества оказывается сконцентрировано вокруг уже известного и авторитетного человека, ведь выказываемое друг другу внимание циркулирует в мире ученых в качестве своеобразной предпочтения (формы признания). Чрезмерное количество ав-

торитетов ведет к проблеме «избыточной плотности талантов» [9, с. 268], способствующая нездоровой конкуренции в борьбе за ограниченное внимание со стороны коллег. В начале первого этапа истории Общества не было фигуры, которая подавила бы равноправие мнений и перетягивала на себя внимание, из-за своего признанного авторитета, равно как не было и избытка именитых философов, чтобы возникла их избыточная плотность.

Первый президент Шедворт Ходжсон прежде всего выполнял роль организационного лидера Аристотелевского общества. Его можно назвать авторитетной фигурой и заподозрить в перетягивании внимания в связи с довольно неприятным инцидентом — отделением в результате конфликта доктора Джона Бёрнс-Гибсона и создания им своего философского общества в 1883 году [3, с. 98; 5, с. 97]. С другой стороны, данный инцидент мог стать поводом обратить внимание на возникший в Обществе перекокс интеллектуального внимания². Однако существует воспоминание Карра о профессоре кафедры ментальной философии и логики Университетского колледжа Джордже Круме Робертсоне, редакторе журнала *Mind*, никогда не бывшего членом Аристотелевского общества. Часто обсуждалась возможная причина его заметного отсутствия. Наиболее вероятной была его дружба с Ходжсоном и нежелание допустить, чтобы его академическое положение выглядело как претензия на особое признание [14, р. 377]. Это позволяет предполагать, что вопрос влияния академического авторитета вполне мог беспокоить первого президента. Поэтому утверждение о том, что оказываемое в Обществе каждому мнению равное внимание без оглядки на авторитет спикера кажется довольно спорным. Однако если найти ему подтверждение, можно будет убедиться в том, что Аристотелевское общество (г) избежало наиболее пагубных проявлений эффекта Матфея. Что же касается избыточной плотности, то здесь стоит отметить, что, например, молодой Мур вступил в общество в 1884 году, одновременно с Александром Бейном (отцом-основателем философского журнала *Mind*), Сэмюэль Александер в 1885 году (немного позднее него — Б. Бозанкет, Дж. Кэттелл, К. Конибир и Дж. Ф. Стаут) и только лишь в 1886 году — Бертран Рассел. В первые годы там были только профессор У. Р. Дунстан, Е. П. Скримгур, К. Дж. Грейс и Р. Б. Хэлдан (теолог, но в будущем фигура довольно существенная). Четыре видных профильных фигуры (11 за период), даже с учетом наличия в составе сообщества девяти докторов (в том числе естественных наук), говорят в пользу умеренной плотности Общества и позволяют сохранять принятую в нем свободу высказывания, а также поддерживать (д) равномерное распределение внимания.

При этом важно учесть, что Общество предоставляло возможность избрания Президента из числа членов на основе личной активности. Согласно Мертону, признание для ученого является основой его деятельности, специфической 'монетой' научной культуры [9, с. 269–270]. Возможность назначения участников Общества его почетными членами (профессора А. Бейна [17, р. 166] и др.) свидетельствует о хождении подобных 'монет', сохраняющих атмосферу здоровой научной конкуренции.

Первая часть фразы Карра отражает отношение к статусу внутри Общества. С одной стороны, отсутствие привилегий и особого положения для членов других обществ, с другой — в первые годы

существования Общества членство в нем не давало никаких привилегий или преимуществ. Можно сравнить Общество с тем же Клубом Карлтон³, в очереди на принятие в который состоял один из членов Аристотелевского общества. Количественный рост состава Общества, как будет видно далее, не был быстрым, и не было никакой очереди, как в Клуб Карлтон. Статус членов Общества крайне разнообразен и не коррелирует с частотой их докладов. Это позволяет говорить, что в нем действительно поддерживался искренний интерес участников к философии. И это очевидно не только из декларируемых Обществом правил, ведь слова не всегда согласуются с фактами. Но почему это оказывается столь важным? Мертон полагает, что в своей борьбе за финансирование (которое чаще всего коррелирует с академической репутацией) научные группы делают акцент на рано проявившиеся таланты, которые в дальнейшем не оправдывают надежд [9, с. 259–267]. Общество, разумеется, не гналось за финансированием, но, гораздо важнее, оно не гналось и за ранними талантами или быстрым статусом и скороспелой репутацией. Это обстоятельство позволило Обществу тратить время на то, чтобы найти тех самых сильных лидеров, опора на которых стала залогом его уверенного роста в будущем.

Качественно-количественная характеристика Аристотелевского общества. Теория интеллектуальных сетей Коллинза применима и к группе, и к отдельным персоналиям. Взаимодействие индивидов порождает идеи не только среди вертикальных связей учитель-ученик, но также посредством горизонтальных конфликтов и столкновений. Когда Коллинз говорит о рождении новых идей, он указывает на важность самого факта физического соприкосновения мыслителей (например, в случае Общества данную роль на себя берут симпозиум и заседания). Не стоит недооценивать роль каждого члена общества. И существенным являются не только взаимодействия с профессиональными философами (связи первого ранга). Так что интересным и не бесполезным было бы составление портрета Общества в первые годы его существования. Некоторые немаловажные выводы можно сделать, проанализировав состав его участников. Первым имеющимся фактическим источником может служить первый выпуск *Трудов Аристотелевского общества*, в котором содержится перечень его членов по состоянию на 1888–1889 годы, с указанием дат вступления участников в сообщество [18, р. 95–97]. На указанный момент времени общее число участников Аристотелевского общества — 51 человек. Среди них докторов было 9 (L.L.D., M.D., D.Sc.), магистров — 20 (M.A.), бакалавров — 7 (B.A., B.C.L., L.L.B.), из них: повторяющаяся степень у пятерых (магистр и доктор, бакалавр и доктор), двойное звание у двоих (бакалавр в двух науках). К 1894 году Общество насчитывало 65 человек [19]; в 1900 году — 77 (16 профессоров, 36 M.A., 4 M.D.; 7 LL.D, 4 D.Sc. — и среди них только одна женщина, — 6 Ph.D, 1 D.D., 1 D.C.L.), без учета подписчиков [20]; в 1906 — 71 участник (из них: 6 женщин, 17 профессоров, 1 B.A., 1 LL.B., 1 B.Sc.; 34 M.A., 3 M.D.; 6 LL.D., 5 D.Sc., 5 Ph.D., 2 D.D., 1 D.C.L. (президент общества), 1 D.Phil., 2 стипендиата Королевского Общества), без учета подписчиков [21]; к 1910 году — 91 участник (из них: 16 женщин, 17 профессоров, 1 B.A.; 51 M.A., 3 M.D.; 10 LL.D. — в том числе одна женщина-суффражистка⁴, — 8 D.Sc.,

5 Ph.D (одна женщина), 2 D.D., 1 D.C.L., 3 D.Phil., 5 D.Litt. (одна женщина), 4 стипендиата Королевского общества, включая Рассела и отца суфражистки Р. Б. Хэддана) и 9 подписчиков [22].

Женщин в обществе на момент первой публикации насчитывалось четыре. Первой присоединилась в 1881 году мисс М. Хэндли. Восхищаясь Ходжсоном, она стала (по воспоминаниям Карра), единственной ученицей и последовательницей, которую Общество подготовило. Она опубликовала небольшую книгу по элементарной философии в форме диалога для использования в школах, задуманную как введение в исследование работ Ш. Ходжсона [14, р. 366]. Второй женщиной стала мисс Беатрис Бруксбанк, жена адвоката Т. Бруксбанка. Она присоединяется к обществу в 1884 году в возрасте 45 лет и посещает его без своего мужа [23]. Этот, казалось бы, незаметный факт позволяет предполагать характер отношения мужа и к жене, и к Обществу (как к месту достойного времяпрепровождения)⁵. Мисс Констанция Плюмптрэ, известная своей работой *История Пантеизма* в двух томах (1881 г.) [24] и особенно интересовавшаяся Дж. Бруно и Дж. Чезаре Ванини [25], также присоединилась к обществу в 1884 году в возрасте 36 лет. В 1887 году она зачитала замечательный доклад в Обществе *Возрождение и развитие философии во времена Ренессанса* [11, р. 76–77]. Наконец, в 1888 году к Обществу присоединилась мисс А. Мейсон.

Отдельно стоит отметить участников, которые зафиксированы как члены других ассоциаций. Так, например, Б. Холландер был членом Юнионистского Клуба (Unionist Club), ставшего в дальнейшем Либеральной партией; А. Смит — членом младшего Клуба Карлтон (Junior Carlton Club), копировавшего в правилах и политике основной клуб. Оба они демонстрируют столкновение в стенах Аристотелевского Общества взглядов либерала и консерватора, добавляющего в споры и дискуссии эмоциональной энергии от непримиримой борьбы этих двух противоположных политических течений.

В 1883 году к клубу присоединяется не последний, с точки зрения теории интеллектуальных сетей, персонаж — британский адвокат, христианский мистик и исследователь психических явлений Чарльз К. Мессей. Он был первым президентом Британского теософского общества и одним из основателей Общества психических исследований в 1882 году. Он указан как член Афинского Клуба⁶, где состоял его отец, адвокат и член парламента⁷ [26, р. 51; 27, р. 74–77]. Это даёт основание полагать, что через данных членов Общество имело ощутимую связь с этими сообществами, что влияло на разнообразие его интеллектуальной атмосферы и привносило в него идеи со сторон.

Химик, доктор Дж. Бёрнс-Гибсон, пастор С. В. Барлоу, социалист и философ Э. Б. Бакс, священник и преподаватель английского языка Е. П. Скримгур, один из основателей Фабианского общества У. Кларк, [1, с. 10], химик, доктор А. Сенье, глава Теософского общества Г. Берроуз [1, с. 7], А. Чендлер (с 1886 г.), ставший Доктором Богословия (в 1901 г.). Переводчик и автор философских работ о Филострате Старшем и профессор теологии из Оксфорда Ф. К. Конибир⁸, основатель журнала *Mind* А. Бейн (с 1884 г.), эдинбургский профессор греческой литературы и политик С. Батчер (с 1883 г.). Общество также привлекало внимание и Президента Американской психологической ас-

социации (1895 г.), члена Американского философского общества (1888 г.), основателя журнала *Psychological Review* (1894 г.) Дж. М. К. Кэттелла [28]; неореалиста, одного из создателей теории эмерджентной эволюции А. Самюэла [1, с. 14]. Важно учитывать хотя бы эти персоны для понимания всей картины внутренней интеллектуальной атмосферы Общества и направлений циркулировавшей в нем мысли. О том, что члены были не только слушателями и учащимися, но и полноправными участниками дискуссий, можно найти свидетельство в одном некрологе 1894 года.

Выражая соболезнования по поводу смерти Г. Дж. Романеса, присоединившегося к Обществу в 1885 году, отмечается, что он внес в кладовую философии большой вклад благодаря своим знаниям в области биологии [17, р. 166]. В последующем некрологе говорится о его дружбе с Чарльзом Дарвиным, оказавшим большое влияние на его работу [29, р. 175]. Это важный факт, который очерчивает связь Общества не только с биологией, но и протягивает нить к виднейшему ученому в этой области. Будучи профессором греческого, Г. Дж. Романес освоил медицину, биологию, физиологию и имел склонность к метафизике. В докладе *Неокантианство в отношении к науке* он спорил с актуальной в тот момент виталистической тенденцией в физиологии. Делал удивительно серьезные замечания к докладом других членов Общества. «Его жизнь показывает, что обладание философскими способностями не является несовместимым с высоким положением в естественной науке» [29, р. 175]. Примечателен именно факт сочетания философского поиска, посвященного сознанию и разуму, в котором оказались столь полезные знания физиолога.

Заключение. Постулируя целью Аристотелевского общества изучение философии как человеческого мышления, его участникам удалось сконцентрировать свои разговоры вокруг изучения мозга и мышления. Это стало важным направлением работы Общества, которое привлекало ученых из самых разных областей (медицина, биология, психология, юриспруденция, философия и др.). Наличие говорящих от имени своих специальностей членов Общества в процессе обсуждения философских вопросов позволяет рассматривать возникающие в его стенах дискуссии как междисциплинарные, а с учетом уровня квалификации участников и высокопрофессиональными. Весьма вероятно, что именно наличие в рядах Общества психологов, медиков и биологов при деятельном участии профессиональных философов позволило его членам задаваться столь глубокими вопросами о природе разума и сознания.

Аристотелевское общество на первом этапе своего развития было местом соприкосновения профессионалов и любителей, занятых изучением одних и тех же вопросов, и в этом качестве оно серьезным образом отличается любой профессиональной площадкой, продолжая традиции академической полемики, но в ином формате. Общество было локальным сообществом интеллектуалов, научной школой, спецплощадкой, посвященной преимущественно решению одного определенного вопроса, что в итоге и сконцентрировало внимание его членов на аналитической философии как наиболее актуальном способе понимания природы разума и мышления, но в то же время открытого для взаимодействия и не игнорирующего другие важные философские вопросы.

Исчезновение (практически полное) к 1900 году бакалавров и увеличение в составе Общества числа докторов может свидетельствовать об усложнении характера, а также содержания шедших в его стенах философских дискуссий⁹. Общество было представлено не только людьми со степенями в области гуманитарных и юридических наук, одним из двух докторов медицинских наук был Уильям Джеймс, профессор психологии и доцент физиологии (в 1876 г.), выходец из Гарварда, оказавший огромное влияние на философию этого периода, вторым был вышеупомянутый доктор Г. Дж. Романес. Наличие в Обществе членов без профессионального образования продолжает указывать на его открытость и доступность шедших в его стенах философских дискуссий для понимания непосвященной публики. Тем не менее Общество постепенно привлекало к своей работе все большее число профессионалов и становилось все более академичным.

Упомянутые в нашем исследовании персоны формируют социокультурный контекст Общества в первые годы его существования. Характеристики членов Общества не могли не сказаться на принципах его работы, и оно постепенно формирует свои традиции. Появляются интеллектуальные ритуалы и другие возможности встраиваться в работу Общества, сохраняя процесс трансляции научным сообществом традиций и ценностей, методов работы и опыта определенной группы исследователей, включая все многогранные элементы неформальной невербальной культуры.

На самом старте в Обществе были заложены особые традиции общения, которые остались неизменными и тогда, когда оно стало намного более профессиональным. Поэтому, чтобы избежать действия наиболее негативных проявлений эффекта Матфея, Обществу не нужно было прикладывать особых усилий или как-то разбавлять состав своих членов, достаточно было просто сохранять сложившиеся в его стенах традиции ведения дискуссий.

В числе таких традиций можно отметить междисциплинарный характер дискуссий, формирование качественной и устойчивой репутации Общества и его членов (без погоня за особым академическим статусом), отсутствие ограничений через профессиональное давление и других типов цензуры (и все это проявляло себя в действии факторов (а), (б), (в)). Открытость, равноправие мнений, равное распределение внимания, широта пространства внимания — вот, что стало основой неформальной культуры Общества. В структуру Общества был заложен широкий спектр связей, включающий отношения вида учитель-ученик, конфликтные виды преемственности (развитие идей через систематическую критику), наличие взаимодействия с крупными внешними интеллектуальными сетями (другими клубами и сообществами, журналами), а также кристаллизующие и порождающие идеи коллективные симпозиумы. Не ограничиваясь одной школой или течением, члены Общества раскинули свои вертикальные сети связей максимально широко, чтобы ухватить глобальный спектр философских идей. Не забывали они и о специфической научной 'монете' (поощрениях), одновременно укрепляющих интенсивность исследований и привлекающих соответствующий тип личности.

Нельзя сказать, что Обществу удалось сохранить всё, что было заложено в первые годы его существования, но можно сказать, что оно сформировалось как весьма перспективное в самом своём на-

чале. При дальнейшем изучении истории Общества стоит обратить внимание на задокументированные дискуссии между членами общества, доклады и идеи, сделанные его членами не-философами, которые могли бы охарактеризовать то идейное содержание, которое оказало непосредственное влияние на его членов философов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>.

Примечания

¹Карр вспоминает: «Когда собрание закрывалось в 10.30, он приглашал тех немногих из нас, кто оставался, сопроводить его в его комнаты, и в удобных креслах мы образовывали круг вокруг его камина и разговаривали, иногда за полночь и до рассвета» [14, р. 371].

²Причина конфликта Дж. Бёрнс-Гибсона с Ш. Ходжсоном состояла в том, что, по его мнению, Общество слишком много обсуждает идеи последнего.

³Официальный сайт The Carlton Club: <https://www.carltonclub.co.uk/>.

⁴Мисс Элизабет Хэддан — биограф, философ и суфражистка, член комитета шотландских университетов, состояла в обществе так же, как и её отец, теолог.

⁵К 1910 году в Обществе появятся еще четыре замужние женщины.

⁶Официальный сайт The Athenaeum: <https://www.atheneumclub.co.uk/>. Клуб основан в 1824 году и существует до сих пор; с 1838 года в нем состояли Ч. Диккенс и Ч. Дарвин, а его отец-основатель Джон Уилсон Крок считается также и вдохновителем Юнион-клуба.

⁷Известен своей работой *Common Sense versus Common Law* (1850 г.).

⁸Был переводчиком *Philostratus, the Life of Apollonius of Tyana, the Epistles of Apollonius and the Treatise of Eusebius* (1912 г.), а также автором труда *Philostratus about the Contemplative Life or the Fourth Book of the Treatise Concerning Virtues Critically* (1895 г.).

⁹Впрочем, наличие в 1906 году среди членов Общества как минимум трех бакалавров сохраняет надежды на то, что оно было интересно не только сложившимся профессионалам, но и тем, кто только начинал строить свою научную карьеру.

Библиографический список

1. Дидикин А. Б. Предисловие // Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / А. Б. Дидикин, М. А. Беляев, А. В. Нехаев, В. В. Оглезнев, Р. А. Юрьев; под ред. А. Б. Дидикина. Москва: Проспект, 2021. С. 4–23.
2. Колинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
3. Юрьев Р. А. Значение Аристотелевского общества для развития аналитической философии. К вопросу о возникновении и развитии научных школ // Теория и практика социогуманитарных наук. 2018. № 3 (3). С. 91–103.
4. Дидикин А. Б., Беляев М. А., Нехаев А. В., Оглезнев В. В., Юрьев Р. А. Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / под ред. А. Б. Дидикина. Москва: Проспект, 2021. 304 с.
5. Юрьев Р. А. История Аристотелевского общества раннего периода: возникновение и предпосылки развития // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-95-101.

6. The Emergence of Analytic Philosophy and a Controversy at the Aristotelian Society, 1900–1916. / Ed. O. W. Nasim // The Proceedings of the Aristotelian Society. 2014. Virtual Issue, № 2. 484 p. URL: <https://academic.oup.com/DocumentLibrary/Aristotelian/2014%20AS%20Virtual%20Issue%202.pdf> (дата доступа: 05.07.2022).
7. Пассмор Дж. Сто лет философии / пер. с англ. А. М. Руткевича, Л. Б. Макеевой, И. В. Борисовой. Москва: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
8. Юрьев Р. А. Раннее Общество и место Шедворта Ходжсона в истории философской мысли: британские истоки феноменологии // Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / А. Б. Дидикин, М. А. Беляев, А. В. Нехаев, В. В. Оглезнев, Р. А. Юрьев; под ред. А. Б. Дидикина. Москва: Проспект, 2021. С. 23–49.
9. Nasim O. W. Introduction // The Emergence of Analytic Philosophy and a Controversy at the Aristotelian Society, 1900–1916. / Ed. O. W. Nasim // The Proceedings of the Aristotelian Society. 2014. Virtual Issue, no. 2. P. 12–30.
10. Юрьев Р. А. Философия здравого смысла Джорджа Фредерика Стаута // Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / А. Б. Дидикин, М. А. Беляев, А. В. Нехаев, В. В. Оглезнев, Р. А. Юрьев; под ред. А. Б. Дидикина. Москва: Проспект, 2021. С. 50–69.
11. Part II. Proceedings of the Society, Including Abstracts of Papers Read during the Session 1887–88 // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887–1888. Vol. 1, № 1. P. 74–90.
12. Мертон Р. К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности / пер. с англ. Е. И. Николаенко // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 256–276.
13. Шульман Е. М., Кутузова А. А. Изменение запроса на образование как отражение трансформации социальной нормы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 293–296. DOI: 10.17223/1998863X/58/29.
14. Carr H. W. The Fiftieth Session: A Retrospect // Proceedings of the Aristotelian Society. 1928. Vol. 29, № 1. P. 359–386.
15. Соколов М. Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 3. С. 9–42. DOI: 10.17323/1728-192x2021-3-9-42.
16. Report of the Executive Committee for the Fourteenth Session, 1892–93. // Proceedings of the Aristotelian Society. 1892–1893. Vol. 2, № 2. P. 134–135.
17. Proceedings of the Aristotelian Society for the Fifteenth Session: Proceedings of the Aristotelian Society. 1893–1894. Vol. 2, № 3. P. 166–168.
18. Back Matter // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887–1888. Vol. 1, № 1. P. 95–97.
19. Back Matter // Proceedings of the Aristotelian Society. 1893–1894. Vol. 2, № 3. P. 172–174.
20. Back Matter // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1900–1901. Vol. 1. P. 237–239.
21. Back Matter // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1905–1906. Vol. 6. P. 400–402.
22. Back Matter // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1909–1910. Vol. 10. P. 297–300.
23. Brooksbank Paternal // Genealogy of the clan Barker. URL: http://clanbarker.com/census_data/Br.htm (дата доступа: 29.07.2022).
24. Plumptre C. E. General Sketch of the History of Pantheism: in two volumes. London: Trübner & Co, 1881. 410 p.
25. Women's Writing in the British Isles from the Beginnings to the Present: Roman Catholic Church. Cambridge University Press, 2020. URL: <https://orlando.cambridge.org/organizations/b07fb274-d35b-49ec-b79c-ade8a6545ab1?page=29> (дата доступа: 29.07.2022).
26. Luckhurst R. The Invention of Telepathy, 1870–1901. Oxford: Oxford University Press, 2002. 320 p.
27. Jeffrey D. Lavoie Brown. The Theosophical Society: The History of a Spiritualist Movement. Boca Raton, FL: Walker Press Boca Raton, 2012. 382 p.
28. Cattell James McKeen (CTL886JM) // A Cambridge University Alumni Database. URL: <https://venn.lib.cam.ac.uk/cgi-bin/search-2018.pl?sur=&suro=w&fir=&firo=c&cit=&cito=c&c=all&z=all&tex=CTL886JM&sy=&eye=&col=all&maxcount=50> (дата доступа: 29.07.2022).
29. W. R. D. In Memoriam: G. J. Romanes. // Proceedings of the Aristotelian Society. 1894–1895. Vol. 3, № 1. P. 175–178. URL: <http://www.jstor.org/stable/4543632> (дата доступа: 29.07.2022).

ЕФРЕМОВА Вероника Сергеевна, соискатель, лаборант кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.
SPIN-код: 1170-4955
AuthorID (РИНЦ): 1171233
Адрес для переписки: efr.vs@yandex.ru

Для цитирования

Ефремова В. С. Существенные признаки второго плана истории Аристотелевского общества // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 4. С. 101–108. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-101-108.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022 г.

© В. С. Ефремова

CONSIDERABLE CHARACTERISTIC OF SECOND PLAN OF THE HISTORY OF ARISTOTELIAN SOCIETY

The article presents a study of the first stage of the formation of the Aristotelian Society. Unlike works devoted to the development and study of the meaning of the Society in the general historical and philosophical context, in this article the focus is on the group of scholars and amateurs left without close attention, which formed its 'network' basis. The qualitative growth of the membership of the Society, the leveling of the most negative aspects of the manifestation of the Matthew effect, strong local traditions — all these factors played an important role in the history of the development of the Society.

Keywords: Aristotelian Society, philosophical and scientific communities, R. Collins' theory of intellectual networks, R. Merton's sociology of scientific communities, Matthew effect.

Acknowledgments

The work on this paper has been supported by the Russian Science Foundation (Award Number 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>).

References

1. Didikin A. B. Predisloviye [Introduction] // Aristotelevskoye obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues] / A. B. Didikin, M. A. Belyaev, A. V. Nekhaev, V. V. Ogleznev, R. A. Yuriev; Ed. A. B. Didikin. Moscow: Prospekt Publ., 2021. P. 4–23. (In Russ.).
2. Collins R. Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya [The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change] / trans. from Engl. N. S. Rozov, Yu. B. Vertgeym. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2002. 1282 p. (In Russ.).
3. Yuriev R. A. Znacheniy Aristotelevskogo obshchestva dlya razvitiya analiticheskoy filosofii. K voprosu o vozniknovenii i razvitiu nauchnykh shkol [Value of Aristotelean Society for Development of Analytical Philosophy. To the Question to the Question about Emergence and Development of Schools of Sciences] // Teoriya i praktika sotsiologicheskikh nauk. *Teoriya i Praktika Sotsiologicheskikh Nauk*. 2018. No. 3 (3). P. 91–103. (In Russ.).
4. Didikin A. B., Belyaev M. A., Nekhaev A. V., Ogleznev V. V., Yuriev R. A. Aristotelevskoye obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues] / Ed. A. B. Didikin. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 304 p. (In Russ.).
5. Yuriev R. A. Istoriya Aristotelevskogo obshchestva rannego perioda: vozniknoveniye i predposylki razvitiya [The history of Aristotelian society of the early period: the genesis and preconditions for development] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 2. P. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-95-101. (In Russ.).
6. The Emergence of Analytic Philosophy and a Controversy at the Aristotelian Society, 1900–1916. / Ed. O. W. Nasim // The Proceedings of the Aristotelian Society. 2014. Virtual Issue, no. 2. 484 p. URL: <https://academic.oup.com/DocumentLibrary/Aristotelian/2014%20AS%20Virtual%20Issue%202.pdf> (accessed: 05.07.2022). (In Engl.).
7. Passmore J. Sto let filosofii [A Hundred Years of Philosophy] / trans. from Engl. A. M. Rutkevich, L. B. Makeyeva, I. V. Borisova. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. 496 p. (In Russ.).
8. Yuriev R. A. Ranneye Obshchestvo i mesto Shedvorta Khodzhsona v istorii filosofskoy mysli: britanskiye istoki fenomenologii [The Early Society and the Place of Shadworth Hodgson in the History of Philosophical Thought: the British Origins of Phenomenology] // Aristotelevskoye obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues] / A. B. Didikin, M. A. Belyaev, A. V. Nekhaev, V. V. Ogleznev, R. A. Yuriev; Ed. Didikin A. B. Moscow: Prospekt Publ., 2021. P. 23–49. (In Russ.).
9. Nasim O. W. Introduction // The Emergence of Analytic Philosophy and a Controversy at the Aristotelian Society, 1900–1916 / Ed. O. W. Nasim // The Proceedings of the Aristotelian Society. 2014. Virtual Issue, no. 2. P. 12–30. (In Engl.).
10. Yuriev R. A. Filosofiya zdravogo smysla Dzhordzha Frederika Stauta [Philosophy of Common Sense by George Frederick Stout] // Aristotelevskoye obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues] / A. B. Didikin, M. A. Belyaev, A. V. Nekhaev, V. V. Ogleznev, R. A. Yuriev; Ed. A. B. Didikin. Moscow: Prospekt Publ., 2021. P. 50–69. (In Russ.).
11. Part II. Proceedings of the Society, Including Abstracts of Papers Read during the Session 1887–88 // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887–1888. Vol. 1, no. 1. P. 74–90. (In Engl.).
12. Merton R. K. Effekt Matfeya v nauke, II: nakopleniye preimushchestv i simbolizm intellektual'noy sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property] / trans. from Engl. E. I. Nikolayenko // Thesis. *Thesis*. 1993. Issue 3. P. 256–276. (In Russ.).
13. Schulman E. M., Kutuzova A. A. Izmeneniye zaprosy na obrazovaniye kak otrazheniye transformatsii sotsial'noy normy [Changing Demand for Education as a Reflection of the Transformation of the Social Norm] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Filosofiya. Sotsiologiya*.

Politologiya. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020. No. 58. P. 293–296. DOI: 10.17223/1998863X/58/29. (In Russ.).

14. Carr H. W. *The Fiftieth Session: A Retrospect* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1928. Vol. 29, no. 1. P. 359–386. (In Engl.).

15. Sokolov M. Nauka kak tseremonial'nyy obmen: teoriya prostranstv vnimaniya, akademicheskogo statusa i simbolicheskoy bor'by [Science as a Ceremonial Exchange: A Theory of Attention Spaces, Academic Status, and Symbolic Struggle] // *Sotsiologicheskoye obozreniye. Russian Sociological Review*. 2021. Vol. 20, no. 3. P. 9–42. DOI: 10.17323/1728-192x2021-3-9-42. (In Russ.).

16. Report of the Executive Committee for the Fourteenth Session, 1892–93 // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1892–1893. Vol. 2, no. 2. P. 134–135. (In Engl.).

17. *Proceedings of the Aristotelian Society for the Fifteenth Session: Proceedings of the Aristotelian Society*. 1893–1894. Vol. 2, no. 3. P. 166–168. (In Engl.).

18. *Back Matter* // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1887–1888. Vol. 1, no. 1. P. 95–97. (In Engl.).

19. *Back Matter* // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1893–1894. Vol. 2, no. 3. P. 172–174. (In Engl.).

20. *Back Matter* // *Proceedings of the Aristotelian Society*, *New Series*. 1900–1901. Vol. 1. P. 237–239. (In Engl.).

21. *Back Matter* // *Proceedings of the Aristotelian Society*, *New Series*. 1905–1906. Vol. 6. P. 400–402. (In Engl.).

22. *Back Matter* // *Proceedings of the Aristotelian Society*, *New Series*. 1909–1910. Vol. 10. P. 297–300. (In Engl.).

23. *Brooksbank Paternal* // *Genealogy of the clan Barker*. URL: http://clanbarker.com/census_data/Br.htm (accessed: 29.07.2022). (In Engl.).

24. *Plumptre C. E. General Sketch of the History of Pantheism: in two volumes*. London: Trübner & Co, 1881. 410 p. (In Engl.).

25. *Women's Writing in the British Isles from the Beginnings to the Present: Roman Catholic Church*. Cambridge University

Press, 2020. URL: <https://orlando.cambridge.org/organizations/b07fb274-d35b-49ec-b79c-ade8a6545ab1?page=29> (accessed: 29.07.2022). (In Engl.).

26. *Luckhurst R. The Invention of Telepathy, 1870–1901*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 320 p. (In Engl.).

27. *Jeffrey D. Lavoie Brown. The Theosophical Society: The History of a Spiritualist Movement*. Boca Raton, FL: Walker Press Boca Raton, 2012. 382 p. (In Engl.).

28. *Cattell James McKeen (CTL886JM)* // *A Cambridge University Alumni Database*. URL: <https://venn.lib.cam.ac.uk/cgi-bin/search-2018.pl?sur=&suro=w&fir=&firo=c&cit=&cito=c&c=all&z=all&tex=CTL886JM&sy=&eye=&col=all&maxcount=50> (accessed: 29.07.2022). (In Engl.).

29. *W. R. D. In Memoriam: G. J. Romanes*. // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1894–1895. Vol. 3, no. 1. P. 175–178. URL: <http://www.jstor.org/stable/4543632> (accessed: 29.07.2022). (In Engl.).

EFREMOVA Veronika Sergeevna, Laboratory Assistant of History of Philosophy and Logic Department, National Research Tomsk State University, Tomsk.
SPIN-code: 1170-4955
AuthorID (RSCI): 1171233
Correspondence address: efr.vs@yandex.ru

For citations

Efremova V. S. Considerable characteristic of second plan of the history of Aristotelian society // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 4. P. 101–108. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-4-101-108.

Received November 07, 2022.

© V. S. Efremova